

СМЕЩЕНИЕ ОЦЕНОК: РЕКОНТЕКСТУАЛИЗАЦИЯ

4 июля 2007 года исполняется 80 лет со дня рождения известного белорусского ученого Исаака Моисеевича Розета (1927—1992). Это событие белорусская психологическая наука планирует отметить Первыми Розетовскими чтениями, которые состоятся в Alma mater И. М. Розета — БГУ. Программа подготовки к юбилейным чтениям предполагает предварительную экспертизу и отбор пленарных докладов чтений, для чего организована публикация некоторых их версий на страницах журнала «Псіхалогія».

Статья кандидата психологических наук А. А. Полонникова открывает собой дискуссию, в ходе которой будет происходить разностороннее и многоуровневое осмысление творческого наследия И. М. Розета, обнаружение актуальных контекстов его прочтения. Редакция журнала рассчитывает на широкое участие в предстоящем в 2007 году мероприятии научной общественности Беларуси и рассматривает публикацию отдельных материалов юбилейных чтений как свой вклад в это знаменательное событие.

Океан — дело воображения.

В. Маяковский

А. А. Полонников,
заместитель директора
Центра проблем
развития образования
БГУ

Любое историческое описание, сколь локальным оно бы ни было, содержит в качестве основного мотива установку на подлинность. Да и было бы странным, если бы автор-историк открыто объявил о том, что его исследование написано по мотивам некоего извлеченного из культурного архива сюжета и ориентировано не столько на установление того, что было на самом деле, сколько на фундирование высказывания самого рассказчика, в котором архив лишь повод или средство суждения о настоящем. Акцент на настоящем лишает повествование индексов историчности, определяя его в терминах иных, более вольных жанров¹ [1]. Стремление же к подлинности часто минимизирует пространство внешних интерпретаций, превращая изложение в скучный жанр — хронику.

Данный очерк имеет промежуточный статус. Его явная задача — реконтекстуализация одной идеи замечательного белорусского психолога Исаака Моисеевича Розета, причем идеи ключевой для творчества этого ученого и, разумеется, основательно и многократно им самим представленной.

Автор этих строк, следуя за мыслью И. М. Розета, попытался не столько восстановить первоначальный смысл сказанного ученым, сколько исследовать контексты употребления идеи, рассчитывая при этом, что путем такой специфической контекстуальной реконст-

¹ Марина Цветаева, работавшая над очерком о Пушкине, писала: «...мне необходимо устроить свой вечер — прозу: чтение о Пушкине, называется «Мой Пушкин» (с ударением на мой).

рукции обнаружит себя траектория движения научной интуиции Розета, с новой силой раскроется ее генеративный потенциал. С этой точки зрения методологический прием, используемый в анализе, точнее будет назвать прагматической реконтекстуализацией, ориентированной не столько на букву, сколько на дух идей Исаака Моисеевича Розета¹ [2]. Отчасти поэтому в данном исследовании мы не будем строго придерживаться хронологической генеалогии, поскольку контекстуальная история, последовательность применения идей не всегда совпадает с временной динамикой жизни ее создателя и его формальной научной биографией² [3]. В результате исторический анализ превращается в топологический, а категория времени обнаруживает свою условность и ограниченную действительность. Так, например, большую ценность приобретает отношение идеи И. М. Розета к будущему, чем ее укорененность в прошлом.

Таким образом, данный очерк представляет собой опыт специфического дискурсного анализа творчества белорусского психолога И. М. Розета, в котором обсуждение того, как используются те или иные идеи их разработчиком и каков потенциал их сегодняшней утилизации будет доминировать над герменевтическими вопрошаниями о том, что на самом деле сказал или хотел сказать их автор.

Итак, наше повествование будет разворачиваться вокруг закономерности психической жизни человека, которую И. М. Розет лаконично назвал смещением оценок [4, 120]. Эта закономерность была открыта ученым при изучении механизмов продуктивной умственной деятельности индивида (процессов упорядочения информации) и содержала в себе несколько принципиальных моментов.

Во-первых, установление того, что группировка информации осуществляется посредством ценностного регулирования, т. е. порядок умственных действий субъекта подчиняется прежде всего соображениям значимости, а не логическим принципам.

Во-вторых, в субъективно значимых ситуациях информация организуется в соответствии с потребностями индивида, что выражается в повышенной оценке единиц информационного множества, релевантных актуальной потребности.

В-третьих, значимости выступают на сцене психической жизни не в изолированном качестве, а всегда в асимметричном системном взаимозависимом отношении, причем повышенная оценка одних элементов информационного множества автоматически ведет к обесцениванию других реалий, входящих в системное отношение ценностной трансмиссии.

В-четвертых, в нейтральных ситуациях жизнедеятельности в системе оценок устанавливается определенный энергетический баланс, а их функционирование приобретает вероятностный характер, подчиняясь принципу равнозначности [5].

И, наконец, в-пятых, динамика значимостей касается не только элементов упорядочиваемого множества, но и тех способов, приемов и процедур, которыми рационализирующая работа осуществляется [6].

Описывая действие механизма смещения оценок, И. М. Розет вводит специфические термины: *анаксиоматизация* (от греческого отрицания — *ан* и *аксид* — ценю, признаю) и *гипераксиоматизация*, которая представляет собой, напротив, повышенную оценку удачного (с точки зрения субъекта) способа поведения и его результата.

Действие механизма смещения оценок может иметь различные следствия и результаты. Так, если анаксиоматизации подвергаются случайные признаки, то происходит селекция неподходящей информации, акцентируются удачные стратегии и методы. Когда же под действие анаксиоматизации попадают существенные признаки, обнаруживают себя ошибочные умозаключения, возникают иллюзорные реалии. И наоборот, механизм гипераксиоматизации обеспечивает устойчивость направленности мышления, однако, обеспечивая ста-

¹ Прототипом такого рода исторической работы следует считать раннехристианскую практику апостола Павла, ориентировавшегося в своих действиях на правило, согласно которому «проще сохранять ритуалы, чем верность духу».

² Данное обстоятельство можно проследить на примере прочтения А. А. Пузыревым истории творчества Л. С. Выготского, считавшего, «что то понимание человека, которое можно найти в «поздних» работах Выготского... это понимание человека является «вырожденным» и редуцированным прежде всего по отношению к ранним работам самого Выготского».

бильное функционирование привилегированной стратегии, гипераксиоматизация может также мешать нахождению новых путей и способов решения задачи и тем самым ограничивать творческий потенциал субъекта [7].

Исходя из вышеохарактеризованных неоднозначных особенностей и следствий действия механизма смещения оценок И. М. Розет обосновывает необходимость рефлексивного контроля над его функционированием, апеллирует к требованию осознанности и осмысленности осуществляемых индивидом выборов [8, 106; 9, 119; 10, 78].

Такова, с нашей точки зрения, суть идеи И. М. Розета о важнейшей закономерности продуктивной умственной деятельности человека, краткая экспозиция которой нами завершена и которая позволяет нам сегодня рассматривать этого ученого как одного из представителей когнитивной ориентации.

Поскольку наша задача состоит не в идентификации научной позиции ученого, а в контекстуальной экспликации и последующей реконтекстуализации введенного им концепта, то нужно коротко обсудить необходимое нам в дальнейшем понятие «контекст». В его трактовке мы исходим прежде всего из понимания контекста как специфического символического объекта, к которому ученые прибегают для рационализации и легитимации научных идей. С этой точки зрения контексты «не что-то, существующее независимо от высказываний... контексты сами являются продуктами высказываний» [11] или отношением между ними. Причем это отношение реализуется таким образом, что одно из высказываний начинает выступать в формообразующем качестве целого.

Кроме того, в анализе контекстов нас будет интересовать их социальная направленность, или, точнее, реализационный эффект «для чего». Это значит, что вопрос о прагматическом контексте оборачивается вопросом о ситуации использования разработанной ученым идеи. Так, простое указание на то, что большую часть своих данных исследователь получил в учебных экспериментах со школьниками (многие его практические рекомендации ориентированы на оптимизацию условий обучения и воспитания), конечно, важная для нас контекстуальная информация, однако

вряд ли исчерпывающая. В этом плане для нас важно установить, нет ли в работах И. М. Розета иных прямых или косвенных указаний, позволяющих обнаруживать скрытые контексты (подтексты) идеи смещения оценок и соответствующие им задачи.

Обратим в этой связи внимание на одну из поздних работ ученого, посвященную анализу принципов ментальной организации [12, 90—97], но развернем ее таким образом, чтобы более рельефно проступали очертания интересующего нас контекстуального предмета. Конечно же, в такого рода операции присутствует некоторый произвол аналитика, разрушающий структуру созданного автором произведения и вызывающий к жизни отдельные моменты, порой периферийные как для исследуемого текста, так и для всего творчества ученого. Это значит, что расставляя по-своему акценты, исследователь придает значимость важным для него реалиям, мало считаясь с тем, что сам герой его повествования считал главным. Все это действительно так. И все же... Франческа Петрарка в течение всей жизни создавал поэму «Африка», которая должна была прославить его в веках, а между делом писал сонеты. Почитатели творчества поэта оценили его подвиг по-своему. В этой связи **прагматическая реконтекстуализация** представляет собой своеобразный эксперимент с текстом, точнее, с условиями его чтения путем накладывания воображаемых рамок на самые разнообразные фрагменты с тем, чтобы в результате такого комбинирования получить некий новый смысловой эффект. Разумеется, он не лишает силы авторские контекстуализации, но, умножая контексты, он делает смыслы произведения более динамичными и актуальными.

В работе «Проблемы категоризации» И. М. Розет напрямую обсуждает вопросы организации неупорядоченной информации и в этом анализе выделяет две когнитивные стратегии — «объективную» — *классификацию* и «субъективную» — *категоризацию*. Если первая апеллирует к относительно определенным ситуациям, ограниченному объему информации и, как правило, осознанным логическим принципам ее структурирования, то вторая реализуется в условиях неопределенности, постоянного и за-

частую непрогнозируемого поступления информации и соотносится с уже существующими у субъекта группировками, «накладывается на ранее сложившуюся канву» [12, 91]. Т. е. категоризация заключается в расстановке ценностных акцентов, группировке реалий на не всегда осознаваемых индивидом субъективных основаниях. Категоризация реализуется как опытная имплицитная стратегия, отличающаяся соответственно некоторым консерватизмом, зависимостью от оправдавших себя (с точки зрения ее носителя) позитивных эффектов.

Соотнесем данное утверждение ученого с ранее реконструированной нами концепцией смещения оценок, придав феномену категоризации статус контекста. Эта операция позволит нам в первом приближении очертить ареал действия механизма ценностной трансмиссии. В результате такого сопоставления он предстает перед нами не как универсальный принцип психического функционирования, охватывающий все стороны внутренней жизни человека, а как специфический регулятор мышления и деятельности в неравновесных и неструктурированных ситуациях, когда объективные общепринятые способы ориентации оказываются неэффективными или попросту невозможными. Правомерность такой контекстуализации подтверждает более ранняя работа И. М. Розета, объясняющая природу музыкального эффекта, где содержится прямое указание на ситуацию неалгоритмизированной умственной деятельности индивида [13].

Другими словами, предмет интереса ученого — нестандартные условия человеческой жизнедеятельности, динамические обстоятельства, акцентирующие случайные факторы и личностные предпосылки осуществляемых индивидами выборов. В этом отношении поиски И. М. Розета разворачиваются в том же направлении, что и исследования Д. Канемана и А. Тверски — нобелевских лауреатов 2002 года, получивших эту премию за созданную ими психологическую модель принятия экономических решений в ситуации неопределенности, поставивших, как и И. М. Розет, во главу угла своих опытов идею субъективной ценности и статистической вероятности [14].

Проводя эту контекстуальную аналогию, мы вовсе не хотим отождествить

заслуги израильских ученых и их белорусского коллеги. Подробный и глубокий сопоставительный анализ этих работ — дело отдельного психологического исследования. Привлечение контекстов изысканий Д. Канемана и А. Тверски было нам нужно лишь для того, чтобы показать, что социокультурный масштаб проблем, поднимаемых белорусским исследователем, был вполне соразмерен принятым в мире постановкам или, по крайней мере, лежал в той же плоскости социального соучастия. По существу, И. М. Розет, как и его коллеги, пытается обнаружить и исследовать новые условия человеческого существования, обозначить новый класс объектов, способных вызвать к жизни не освоенный сообществом культурный порядок.

В плане контекстуальных прояснений интересны также междисциплинарные поиски И. М. Розета — эксперимент с разработанной им психологической моделью смещения оценок в тех сферах, прежде всего культурологических, где психология традиционно выполняла лишь вспомогательную роль. Речь идет главным образом о музыкальном творчестве, религии, языкознании и этике. Что стоит за этим интересом? То, что публично заявляет ученый, — проверка адекватности и универсальности своей модели под новым углом зрения [12], повышение ее эвристической значимости [15]? Конечно, и это тоже. Но, может быть, и какое-то еще обнаруживаемое практическим чутьем исследователя напряжение общественной жизни, пока еще не заявившее о себе в полный голос, но уже считываемое проницательным умом ученого по одному ему известным признакам?

В речи автора становится главным не то, что сказано, а то на что указано, речь превращается в специфическое не прямое говорение, намек. Так, наверное, обращался к внешнему ему античным грекам Дельфийский оракул. Это всегда вопрос, но не ответ. Попробуем и мы нащупать этот контекст, восстановив траекторию действия высказывания И. М. Розета. Для этого обратимся к тем текстам, в которых явно обозначился отмеченный нами выше культурологический поворот ученого. При всей разности этих работ внимательное прочтение обнаруживает в них определенную устойчивую тенденцию. Обозначим

ее пока условно такими словами, как «новые феномены человеческого существования», и представим их в той метафоричной форме, в какой они первично обобщились в нашем анализе.

1. Беспрецедентность.

В статье «Психологические аспекты религиозного удвоения мира» И. М. Розет обращается к особенностям функционирования сознания верующего. Однако, как нам представляется, осуществленное ученым аналитическое действие озабочено не столько психогенезом религиозного восприятия, сколько исследованием человеческих реакций на явления необычного. «Как мы показали, — пишет И. М. Розет, — необычное (обеспечение привычного), нередко и вполне логично вызывающее ряд отрицательных эмоций (беспокойство, опасение, неприязнь и пр.), может пробудить также и чувства чудесного, волшебности, являющиеся своеобразным проявлением повышенной оценки» [4, 118].

Зададимся соответствующим нашему методу вопросом: на что позволяет указать автору обсуждение проблемы отношения человека с реалиями, не имевшими предпосылок в индивидуальном опыте? Какой ресурс существования открывает перед сообществом решение проблемы отношения с необычным? По мере того как у нас будут возникать продуктивные гипотезы на этот счет, задачу экспликации прагматических контекстов в первом приближении можно будет считать решенной.

Как нам представляется, вопрос новизны как проблема человеческого существования (а именно этот статус следует придать феномену религии) не возникает в стабильных и относительно жестко структурированных социальных условиях. Декодирование инновации в таких сообществах происходит на основании традиции или, точнее, соотношения инновации и традиции. Как говорит об этом И. М. Розет, — на базе имеющихся у субъекта опытных типологических структур, «непересекающихся классов». То, что вписывается в матричные организованности, в них распознается и ассимилируется. То, что не соответствует имеющимся классам, либо вызывает эффект аккомодации и возникновение нового подмножества, либо отбраковывается, получая статус аномалии.

В условиях же нестабильности, высокой социокультурной динамики прежде проблематизируются универсальные, субъективные образования. Именно они, эти непересекающиеся классы, отражающие в своем устройстве устойчивый социальный порядок, отказывают индивиду в ситуации социального хаоса. Кризис ориентации становится основным содержанием проблемы человеческого существования. С этой точки зрения анализ феномена религиозного сознания, которое квалифицируется И. М. Розетом в соответствии с материалистической позицией как иллюзорное, позволяет обнаружить важную, с точки зрения автора, причину дезориентации человека в динамическом мире и поставить ее под рациональный контроль человека. И эта причина коренится в самой психологии индивида. Непонятное (несоответствующее структуре непересекающихся классов) склонно иллюзорно-ирреально осознаваться, а значит, снижать эффективность разумного действия индивида в сообществе. Таким образом, речь идет об обеспечении адекватности ориентировки индивида в динамическом мире как вновь возникающей проблеме человеческого существования. И решение этой проблемы, считает И. М. Розет, принадлежит психологической науке. В этом ее миссия, или социальная задача.

2. Многообразие.

Обратимся к еще одной из последних работ И. М. Розета — «Некоторые психологические вопросы проблематики социокультурных норм», выделив интересующую нас часть ее содержания: «Особой разновидностью рассматриваемых отношений можно считать выбор субъектом норм, которыми он предпочитает руководствоваться».

В ситуации вынужденного выбора оказываются люди... при необходимости синхронного соблюдения различных и несовместимых норм.

Альтернативной к вербализированным нормам является совокупность имплицитных норм, которые не получают специального словесного выражения» [9, 117—118].

Зачем ученый (воспользуемся открытой им закономерностью) придает нормативным отношениям большую, чем другим человеческим реалиям, ценность, проблематизирует нормативный выбор? Тем более что тема нормативного конф-

ликта стара как мир и новый виток ее обсуждения вряд ли прибавит что-либо к устоявшемуся разумению [16]. Но это при внешнем взгляде. А если не упрощать? Если видеть вслед за И. М. Розетом главное — несовместимость в нормативном конфликте самих принципов этических порядков? Если понимать, что каждая участвующая во взаимодействии оппозиция автоматически обесценивает свою противоположность, а значит, неминуемо репрессирует ее? Как жить и действовать человеку в этом случае? Тревога ученого станет тем более ощутимой, когда мы возьмем в расчет такое обстоятельство, как взрывообразный рост интенсивности социальных контактов. То, что раньше было эпизодом, случайностью, едва заметным разрывом локальных межличностных отношений, сегодня перемещается в эпицентр социального функционирования. Социальная реальность, всегда имевшая в своем основании общественное согласие и надежный арсенал средств принуждения к нему — идеологию, образование, жесткую статусную структуру и систему моральных координат, — все чаще сталкивается со стихийно развивающимися процессами диверсификации и дифференциации идей и мнений, разнообразием образовательных интересов и практик, статусной мобильностью и стремительной релятивизацией моральных устоев. «В настоящее время, — пишет И. М. Розет в другой работе, — прогрессивным признается принцип плюрализма — подходов, мнений, научных воззрений, способов преодоления трудностей и т. д.» [10, 77—78].

Придавая отмеченному нами контексту прескриптивный модус, мы можем видеть, как активно И. М. Розет будирует вопрос о необходимости приобретения субъектом нового опыта существования в условиях расширяющейся вариативности общественной и индивидуальной жизни, способов социальной регуляции и координации.

3. Парадоксальность.

Еще одно направление размышлений белорусского ученого: «Следует отметить, что возникающая в ходе общения конфликтная ситуация не прекращается с обесцениванием неадекватных прецедентных форм, которое открывает возможность появления новых вариантов.

Бесспорным положительным следствием здесь является преодоление неуверенности и неопределенности, а значит, и исключение принципиально возможных бесконечных переборов.

...существенной составляющей совершенного владения речью является умение преодолевать конфликтные ситуации, возникающие при необходимости выразить собственные наблюдения за внешним и внутренним миром» [8, 105—106].

Внешне прагматика этой работы ориентирована на школьную дидактику и за счет усложнения типов решаемых школьниками задач создает как для них, так и для педагога пространство предметного выбора¹. Однако прислушаемся к сказанному. О чем еще идет речь? О потенциальной продуктивности конфликтных форм общения, об опыте самоорганизации и самореабилитации индивида в ситуации культурной избыточности, об условиях рационализации им внутреннего и внешнего опыта. И это не просто выполнение учебного задания, это перечень возможных социальных смыслов его выполнения. Так переопределяются И. М. Розетом цели образования, идет поиск ответов на вопросы о том значимом опыте, на формирование которого в новых условиях должно ориентироваться образование. Это положение станет более очевидным, когда мы акцентируем предмет критики данной статьи (впрочем, весьма тактичной), которую коротко можно определить как критику репродуктивной ориентации учения.

«На наш взгляд, — пишет ученый, — существенным упущением распространенных методов школьного обучения языку является сосредоточение на вербальном материале и работа исключительно с ним: пересказы — устные и письменные — отрывков из классических произведений, а также изложение воспринимаемых зрением или на слух текстов, составление фраз по заданным образцам, сочинения на литературные темы. Такие задания, несомненно, приносят немалую пользу (об этом подробно говорится в методической литературе), однако при выполнении их учащиеся опираются на готовые словесные формы, поскольку всю нужную информацию они черпают из вербальных источников...» [8, 106].

Установив связь между требованием продуктивного обучения с новыми образовательными целями, мы поймем смысл предлагаемой И. М. Розетом дидактической редакции. Эксперимент с языком (именно так можно понимать учебную задачу описания реальности, для которой еще нет «лингвистической репликации» [8, 107]) готовит индивида к новой для него жизненной ситуации, в которой характерной чертой становится стремительное обесценивание прецедентного выражения и неминуемая дефицитарность средств описания человеком себя и мира. И к этой парадоксальности жизни его должно подготовить образование. Этот класс задач, выделенный И. М. Розетом, остается актуальным для современной белорусской школы, и не только...

Наше небольшое исследование завершено. К сожалению, жанр журнальной статьи заставляет многое говорить скороговоркой, оставляя в стороне многие концептуальные и практические находки, которые сопутствуют непростому чтению работ Исаака Моисеевича Розета. Без комментария остались проблемы фантазии, которым белорусский исследо-

ватель посвятил свою главную книгу. Мы едва коснулись темы диффузии идеалов и кризиса воспитания, не затронул и многочисленных работ по дизайну и эргономике, методологии психологии, а также обширную область исследований, в которой И. М. Розет выступал как критический аналитик и рецензент научных разработок других ученых. И, как всегда кажется, что не удалось акцентировать главное, то, над чем постоянно работал ученый и что являлось лейтмотивом большинства, если не всех, его работ, — судьба человека в современном динамично меняющемся мире, жить в котором он все еще не готов.

Конечно, сегодня многим из нас представляются весьма романтическими идеи, которые в результате сложных размышлений выдвигал И. М. Розет, апеллируя к разумности человеческой природы и потенциалу мыслительных усилий одинокого героя. Последнее сказано без иронии. Ибо кто из нас свободен от господствующих в наше время идей и верований, задач, решенных или не решенных поколением, от притяжения земли, на которой нам суждено было родиться?

1. Цветаева, М. И. Сочинения: в 2 т. — М. : Худ. лит., 1980. — Т. 2: Проза. — С. 527.
2. Мень, А. Первые Апостолы. — М. : Фонд им. А. Меня, 1998. — С. 186.
3. Пузырей, А. А. Манипулирование и майевтика: две парадигмы психотехники // Вопросы методологии. — 1997. — № 3—4. — С. 149.
4. Розов, А. И. Психологические аспекты религиозного удвоения мира // Вопросы философии. — 1987. — № 2.
5. Розов, А. И., Коломинский, Я. Л. Принцип равнозначности и вероятностное понимание психических явлений // Вопросы психологии. — 1965. — № 6. — С. 85.
6. Розов, А. И. Экспериментальное исследование эвристической деятельности // Вопросы психологии. — 1968. — № 6. — С. 60.
7. Розов, А. И. О взаимоотношении некоторых внутренних механизмов умственной деятельности // Вопросы психологии. — 1973. — № 3. — С. 133.
8. Розов, А. И. Речевая деятельность как преодоление конфликтной ситуации // Вопросы психологии. — 1987. — № 6.
9. Розов, А. И. Некоторые психологические вопросы проблематики социокультурных норм // Вопросы психологии. — 1990. — № 5.
10. Розет, И. М. К вопросу о психологической природе идеалов // Адукацыя і выхаванне. — 1994. — № 10.
11. Гилберт, Д., Малкей, М. Открывая ящик Пандоры: Социологический анализ высказываний ученых: Пер. с англ. — М. : Прогресс, 1987. — С. 59.
12. Розов, А. И. Проблемы категоризации: теория и практика // Вопросы психологии. — 1986. — № 5.
13. Розов, А. И. Психологические предпосылки музыкального эффекта в свете общей концепции продуктивной деятельности // Вопросы психологии. — 1981. — № 4. — С. 82.
14. Канеман, Д., Тверски, А. Рациональный выбор, ценности и фреймы // Психологический журнал. — 2003. — Т. 24. — № 4. — С. 31.
15. Розов, А. И. Переживание комического в свете некоторых более общих закономерностей психической деятельности // Вопросы психологии. — 1979. — № 2. — С. 123.
16. Вебера, М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. — М. : Политиздат, 1991. — С. 146.